ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ
ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ

(продолжение; начало см. в №14)

Возможно, так получилось за счет каких-то потерь. Но уж наверное и в связи с кое-какими обретениями - разве могло быть иначе? Что перевешивает? И внимательнее рассмотреть эти любопытные вопросы, очевидно, можно только конкретно - т.е. просто-напросто конкретно и вполне буквально рассмотрев, разглядев, наконец-то, картины Олега Васильева. Для чего, очевидно, их понадобилось бы выставить. И здесь мы снова поневоле вплотную подходим к наиболее существенному и, боюсь, наименее приятному предмету.

Г-н Вир, изложенные выше взгляды, как я уже говорил, никак не могут ни для кого быть обязательными. Само собой разумеется. Не в большей мере, чем взгляды, например, Гройса. Но и не в меньшей. Естественно. Но кое-что не кажется столь естественным. Скажем, отсутствие Олега Васильева в большом, очень большом перечне русских художников, с которыми ознакомили немецкую публику уже почти за 10 лет свободы, - явно отсутствие не простое, а, как у нас говорят, блистательное отсутствие.

Кому поп, кому арбуз; кому попадья, кому свиной хрящик. Так приблизительно звучит русская пословица о разнице вкусов. Понятно, что искусство и стоит на разнице - как, впрочем, и на единстве вкусов. Кому Илья Кабаков, кому Илья Глазунов. Кому Васильев Олег, а кому Константин. Насильно мил не будешь - говорит другая пословица. Но дело в том, что такое отсутствие Васильева - ветерана А-Я и МАНИ, Васильева - ближайшего соседа Эрика Булатова - не может уже не выглядеть именно насильственным. Искусственным. Просто скандальным и явно намеренно организуемым кем-то для чего-то. Кем-то, чьи взгляды и вкусы, очевидно, в корне расходятся с изложенными мной выше.

С.Богуславский."Восхождение" (Посвящение О.Э.Мандельштаму)

Но, согласитесь, взгляды взглядами, вкусы вкусами, а факты фактами. Если о вкусах не спорят, то с фактами подавно считаются. Один возраст и стаж Васильева в неофициальном русском искусстве, примерно равный сумме стажей Гройса и Пригова с добавлением сюда же стажа Бакштейна, мог бы, кажется, давать ему некоторые права. И достаточно очевидные. Например, право ознакомить со своим искусством публику по крайней мере наравне, а не после своих молодых коллег вроде Мухоморов. И уж не 10 же лет спустя... Хотя бы, в конце концов, потому, что участвуя в том же "А-Я" в свое время также наравне с этими коллегами, поневоле знакомил он тем самым со своим неофициальным искусством и другую публику - из Комитета Государственной Безопасности. Как, впрочем, и еще раньше - до "А-Я", до Гройса, до Пригова, до Мухоморов и подавно Медгерменевтов...

Вы согласны в принципе? Сперва все-таки факты, положение дел - а там дойдет и до вкусов, взглядов, мнений и теорий - но опять-таки на основе фактов. Верно? Может быть, и прав Гройс. Может быть, и плох Васильев. Что ж. Посмотрим. Но, может быть, посмотрим, наконец?

Если же вкусы и взгляды так успешно и долговременно отпихивают факты, если с очевидным считаться и не думают, если положение дел само по себе начинает выглядеть просто скандальным - и все в угоду каким-то теориям, чему-то, что желает называть себя наукой, - простите, но тогда тем хуже не для фактов. Значит, тем хуже для этих вкусов, тем хуже для этих теорий, тем хуже для такой "науки" - сколько бы ее такой ни было. Хоть и вся она окажись такая.

Простите, но чего может стоить такая наука, корифеем которой может считаться такая фигура? Вот такая, как Гройс? Что здесь неясного? Да чего стоит одна анекдотическая роль хозяина - но исключительно русского искусства... Да будучи почти 15 лет вне России. Да и в России-то занявшись искусством года за три до отъезда... Можно себе представить такую специализацию как естественное явление? Зато нельзя не ощутить отчетливый административно-рыночный привкус.

Бедная, бедная немецкая наука. Бедная немецкая художественная общественность. Подумайте - совсем оседлал, обратал их Боря Гройс совершенно невиданной в Германии философской эрудицией и своей обильной эссеистикой: ничего с ним не могут поделать. Никак ничем не урезонить, невозможно упросить кончать конфузить эту науку и эту общественность, прекратить так бесцеремонно стричь, кроить и корежить, устраивать собственное русское искусство в своих видах для собственных удобств и полезного употребления.

Как, когда, какими чудесами Боря Гройс уверил Германию, что Боря Гройс выше фактов? Простите, но это не русское неофициальное искусство, каким мы его тут знали, каким делали десятки лет и в каком Гройс занимал подобающее Гройсу место. Das ist nicht Russiche Kunst. Это гройсское искусство, Das ist Groyssische Kunst, Sehr Croyssishe Kunst. Это получается уже, собственно говоря, немецкая официальная версия русского неофициального искусства - во всяком случае, к славной, например, выставке 90 года в Центральном Доме Художника Москвы такое определение подойдет в полной мере. Опять искусственное, искусственно устроенное искусство, и искусственность, организованность прямо-таки выпирает.

Иначе как понять хотя бы полнейшую беспоследственность для Гройса скандала, который я вынужден был учинить в Эссене? А как понимать франкфуртское издание "Музея МАНИ" и опять-таки полнейшее отсутствие каких либо откликов на мои об этом вопросы? А я задаю их, где только могу, уже пять лет. Что "Музей МАНИ" - личное-де собрание Коли Паниткова, так что Коля волен будто бы под этой маркой издавать что захочет, - смешной довод. Тогда и надо было назвать "Музей Коли". Музей Иоси, музей иосиной КЛАВы. Каковым он и является. Музей Мони - по кличке Монастырского. Мони, но не МАНИ. МАНИ - это реальный Московский Архив Нового Искусства, в нем Коля, Иося и иосина КЛАВа отнюдь не преобладали. Во всяком случае меня, например, ни Коля, ни кто другой не позвал участвовать моими материалами МАНИ (а их там было порядком) в этом музее МАНИ.

И нет не только, как я уже говорил, моих материалов - стихов, статей - нету в этом на вид солидном, с четырьмя предисловиями, издании даже и моей фамилии. И помину нет, как говорят по-русски. Как и фамилии Васильева. И Инфанте. Как и Гороховского, и Шаблавина, Янкилевского, Штейнберга, Абрамова, Юликова - все авторы достаточно известные, все были в МАНИ - и тем не менее, не удостоены даже упоминания - это в первопубликации-то самиздатского альманаха!..

Ясно, что в дальнейшем всюду и везде "Архив МАНИ" фигурирует уже только в этом составе: как все та же команда Бакштейна-Пригова-Гройса-Кабакова. Поезд, как говорят, ушел.

Не сам ушел, г-н Вир. Увели поезд, уперли. Средь бела дня при всем честном народе. Немецком народе. Интересно получается: сон - не сон... Вопишь во всю глотку: "Держите же их!.." - а кругом мило улыбаются и слегка отворачиваются. Как бы прощая тебе, так и быть, неприличие твоего поведения. Простите, г-н Вир, так не пойдет. Давайте определимся: либо я псих и клеветник, либо все-таки эта команда - жулье.

И надо, наконец, назвать вещи своими именами, а не терминами - а то термины звучат как блатная феня для блатных дел. Какой там концептуализм, какой соцарт, трансавангард, постмодерн и т.п. Так мы бесконечно будем в дураках, а они будут нас одурачивать. Говорить надо об обмане, направленной дезинформации, утайке, подлоге, сговоре в корыстных целях - и т.д. Если терминология, так по существу дела, и ясная. Ведь, по сути, усилиями теплой компании вопрос давно уже сдвинут из искусствоведческой плоскости попросту в юридическую. Видите ли, для чего необходимо придержать Олега Васильева: при его отсутствии и такая фигура, как Эрик Булатов, оказывается как бы не на первых ролях - или на каких-то не вполне понятных. Оказывается сподвижником Кабакова - но все-таки не вполне таким молодцом, таким концептуалистом. Не таким последовательным и цельным. Чуть-чуть не таким, но не таким. Не столь решительным и отважным, не до конца освободившимся от задачи изобразить живой мир, не избавившимся от изобразительности как от рутины...

Понимаете, что происходит у вас на глазах 10 лет: живого человека - живое искусство, сумевшее сохраниться живым, - перевернув с ног на голову, насильственно удерживают в таком положении, поскольку оно устраивает эту Гройс-компанию! Нежить лишает живое права на существование - и все происходит очень мило, поскольку нежить со всеми кругом успела завязать хорошие отношения. Кругом повязать.

О том, как соотнесены и близки художник Булатов, художник Васильев и художник Кабаков - художник Кабаков, а не проныра Кабаков - я писал и не стану повторяться. Но в любом случае Васильев Булатову никак не менее близок, чем Кабаков, - это известно и это ясно как день любому, кто их видел и знает, а я как-никак знаю их скоро 30 лет.

Вот увидите, г-н Вир. Увидите, изобразительность станет изобразительностью, образ мира - образом мира, и целостным образом, концепции - концепциями, спекуляции - спекуляциями, живопись - живописью, жизнь жизнью, блатная нежить - блатной нежитью, и все станет на свое место. По крайней мере, многое станет. Увидите. Для этого надо только увидеть - увидеть как следует Васильева, как и Булатова. Но увидеть-то ведь и не дают...

И если я не прав, то почему не дают, г-н Вир? И если я не прав, почему оказывается неизменно замята, замазана возмутительная история с махинацией, проделанной Гройсом с моим именем и